

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Дорогая Елизавета Тригорская
Спасибо за возглас о Союзнице
Очень симпатично, что "Искра"
именно перед возгласом посылает
тебе письмо. Я слышал о ней, но не читал.
Очень приятно, что Александр Исавов
воздержался от поездки ко мне в Барвиху.
В переписке он уже пристрастен ко
мне с тем, что в письме он называет
Царя Маркелом.

И Тургенев, и он очень благодарен за мою
самую хорошую переписку.

Отвечая тебе то, что ты пишешь о
Валенте. А что же делаешь сейчас Искра?

Ван-Завен

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА. 1926–1969

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15: Письма (1926–1969) / Вступ. ст. Е. Ивановой; Сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская. Общая ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. — 800 с. : ил.

Впервые собраны и печатаются письма Корнея Чуковского к разным адресатам, охватывающие более сорока лет. Письма содержат богатейшую информацию по истории создания и публикации его книг и статей, дают новые факты для изучения его связей с литераторами своей эпохи, наконец, для понимания его личности. За строками многих писем встает образ человека с непростым и весьма неровным характером. Теперь многие загадки судьбы и психологии Чуковского становятся более доступными нашему пониманию. Собранные вместе и выстроенные хронологически письма создают биографическую канву, которая восполняет пропущенные в дневнике страницы и дополняет общий абрис биографии писателя.

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)6

BIC FC

BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017

© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

© К. Чуковский, наследники, 2017

© Е. Иванова, Л. Спиридонова,

Е. Чуковская, составление, 2017

ISBN 978-5-4467-0025-7 (т. 15)

ISBN 978-5-521-74861-7

ПИСЬМА ЧУКОВСКОГО КАК ШТРИХИ К ЕГО ПОРТРЕТУ

Пятнадцатый том завершает издание Собрания сочинений Чуковского, в рамках которого была предпринята попытка собрать воедино творческое наследие писателя; в этом, как и в предыдущем, 14-м, томе представлены письма, прежде никогда не публиковавшиеся в сколько-нибудь полном виде.

Читатель получает теперь возможность увидеть творчество и биографию Чуковского в трех разных ракурсах. Если попытаться мысленно выстроить его литературное наследие в хронологической последовательности, то можно проследить смену жанров от литературной критики к истории литературы и мемуаристике; от изучения психологии и формирования детской речи к созданию детских стихов; от практики литературного перевода к ее теоретическому осмыслению.

В настоящем издании впервые опубликован полный текст дневника Чуковского, сохранены даже содержащиеся в раннем дневнике конспекты (см. приложение в Т. 11 наст. изд.); здесь же читатель найдет статьи и корреспонденции Чуковского, написанные в период его пребывания в Англии. Они любопытны не только как яркое описание жизни в Англии тех лет, но и как жанр, в котором Чуковский никогда более не выступал. Дневник и сопутствующие ему материалы предлагают особый ракурс: здесь писатель наедине с собой, сам фиксирует наиболее важные факты и жизненные обстоятельства, литературные события, эти записи открывают мир его субъективных переживаний и чувств. Но дневник дошел до нас далеко не в полном объеме, в его записях есть весьма существенные лакуны, причина которых скорее всего в том, что Чуковский основательно «подчистил» дневник, а некоторые его части даже уничтожил, то есть познакомил нас только с частью своих записей.

Эпистолярное наследие, помещенное в 14-м и 15-м томах, открывает новый ракурс. В своем большинстве письма хранились в

архивах адресатов, писатель не имел возможности «регулировать», какие из них будут доступны читателям и биографам, а какие исчезнут без следа. Письма если и подвергались редактированию, то правку осуществляли время и история; о том, как обобшились они с архивом Чуковского, говорилось в предисловии к четырнадцатому тому, говорилось и о том, каким нелегким оказался процесс собирания эпистолярного наследия. И, хотя письма Чуковского в силу разных обстоятельств дошли до нас далеко не полностью, как документальные свидетельства они более объективно, чем дневник, отражают содержание его жизни.

Каким же предстает Чуковский в своих письмах? Мы еще раз видим здесь тот центр, вокруг которого вращалась его жизнь на всем ее протяжении: всегда и при всех обстоятельствах первое и главное место занимала литература, все остальное было производным от нее. Литература была для него не столько работой, сколько служением, она составляла не только содержание жизни Чуковского, но и ее смысл. Поэтому лейтмотив всей его жизни — подготовка к печати статей, книг, тревожнения, связанные с их изданием, сроки, которые оказывались всегда слишком краткими, бесконечная правка, чтение верстки и ожидание рецензий. За строками писем перед нами предстает неутомимый, прикованный к столу и вечно недовольный собой и своими работами литератор в самом высоком смысле этого слова.

Очевидно, что те высокие требования, которые Чуковский-критик предъявлял писателям, из-за которых современники видели в нем законченного зоила, он предъявлял и к себе самому, к своим работам. Уже при подготовке первых сборников критических статей до революции каждое новое издание не обходилось без переработки и дополнений, с годами работа над собственными текстами превратилась почти в манию — при каждом переиздании своих работ он готов был перерабатывать их заново. Может быть, в меньшей мере переработка касалась детских стихов, но и их он обновлял, заказывал новые иллюстрации, спорил с художниками. Ну а что касается его книг «От двух до пяти», «Живой как жизнь», «Высокое искусство», воспоминаний и сборников историко-литературных очерков, то каждая из них в новом издании пополнялась, редактировалась и усовершенствовалась. Все это помогает понять письма, в которых повторяется совет не читать вышедшее издание, а дожидаться нового...

Письма как никакие другие документальные свидетельства раскрывают и обстоятельства личного характера. То, что Лев Толстой называл «мыслью семейной», определяло жизнь Чуковского почти с первых шагов литературной жизни и до конца его дней — факт, достаточно редкий для писательских биографий.

Полнее всего эта сторона раскрылась в письмах к младшим детям Борису и Мурочке, в переписке с сыном Николаем и дочерью Лидией. В словах из письма к дочери Лидии от 16 апреля 1951 года «я, как ты знаешь, человек без друзей» заключена большая правда, и не только потому, что Чуковский не был способен долго поддерживать дружеские отношения. При бурной внешней общительности, центр личной жизни Чуковского всегда находился в семье, он редко посещал литературные салоны и писательские домашние сборища, личное общение с литературной средой всегда оставалось достаточно поверхностным.

Вопреки всем жизненным сложностям, которые доставляла Чуковскому профессия литератора, в собственных детях он всеми силами поддерживал любые проблески литературного таланта. В начале 20-х годов, в один из самых тяжелых в материальном отношении периодов своей жизни, когда впервые литература так решительно отказывалась кормить Чуковского и его семью, когда его выталкивали из нее всеми возможными способами, узнав о предстоящей женитьбе сына Николая, он, тем не менее, писал: «Возьмем самое главное: стихи. Это для меня термометр твоего духовного развития. И вот я вижу поразительную вещь: от 1918 до 1922 года ртуть поднимается: ты развивался, рос, крепчал и вдруг остановился. Все, что ты написал за этот год, — есть вариация прежнего. Ни новых тем, ни новых горизонтов. И ты сам знаешь, что причина этой остановки — Марина. Уайльд сказал: “женщины вдохновляют нас на написание прекрасных стихов, но они же мешают нам писать эти стихи”. Это, конечно, вздор. Марина не мешает тебе, но в чем же она помогает? Она для тебя — все, она душа твоей души, — это дает ей огромные права, но налагает на нее и страшные обязанности. Чувствует ли она эти обязанности? Понимает ли она, что в ее руках вся твоя судьба как поэта? Приготовилась ли она к тому, чтобы быть *женою поэта*?» (Т. 14, письмо Н.К. Чуковскому конца апреля 1924 г.). Подобного рода письма в разные годы получали и дочь Лидия, и даже младшая дочь Мурочка, в детских стихах которой он жадно ловил обещание литературного дара. Детям он хотел передать не только свою любовь и знание литературы, но и готовность всего себя отдать служению ей.

Письма дополняют дневники, рассказывая о том, как были пережиты домашние трагедии и драмы — болезнь и смерть Мурочки, гибель сына Бориса, без вести пропавшего на войне, внезапная ранняя смерть сына Николая. Да и отношения с женой, его верной спутницей, вместе с которой были пережиты и исторические катаклизмы, и житейские драмы, и все превратности судьбы, чья болезнь и уход из жизни также были в числе тяжелейших испытаний, — переписка раскрывает гораздо полнее, чем дневник.

Семейные обстоятельства заставили Чуковского на протяжении почти всей его жизни селиться в некотором удалении от столиц. Поначалу это произошло вынужденно: перебравшись с женой и маленьким сыном из Одессы в столицу, он поселился в Куоккале, потому что квартира в городе была ему не по карману. Однако с годами он сумел оценить и преимущества такой дислокации: она помогала ему быть хозяином собственного времени. Здесь в Куоккале надолго сложился и основной круг регулярного общения — семья И.Е. Репина, как и Чуковский, постоянно жившего в Куоккале, семья писателя Леонида Андреева, имевшего здесь дачу, а также семья публициста-народника Н.Ф. Анненского; дружба Чуковского с разными ответвлениями этой семьи сохранилась на многие годы. О том как, благодаря Репину, Чуковский приобрел в Куоккале постоянную дачу и о ее судьбе говорилось в предисловии к четырнадцатому тому. Перебравшись в конце 30-х годов в Москву, Чуковский очень скоро и вполне сознательно выбрал местом постоянного жительства пригород — дачу в писательском поселке Переделкино, где и прожил до конца своих дней.

Эпистолярное наследие помогает понять важную особенность литературной судьбы Чуковского: оставаясь всю жизнь профессиональным литератором, то есть человеком, добывающим пропитание себе и своим близким исключительно литературным трудом, Чуковский никогда и нигде не служил. До революции такая ситуация была нормой — литература тогда еще кормила не одного Чуковского. Но именно в дореволюционных письмах мы находим единственное упоминание о том, что, по меркам того времени, было почти службой: постоянное сотрудничество в газете. В письме к В. Брюсову от 15 (28) декабря 1908 года Чуковский писал: «С 10-го декабря я “взял в свои руки” весь литературный отдел “Речи”». Дополнительные сведения мы находим в письмах к Чуковскому одного из руководителей «Речи» И.В. Гессена, с которыми нам удалось познакомиться в Стокгольмском архиве: лейтмотив этих, к сожалению недатированных, писем составляют сетования на недополученные редакцией фельетоны за текущий месяц. Сопоставление этих беглых упоминаний из переписки позволяет заключить, что некоторое время в «Речи» он находился на положении постоянного фельетониста, за что полагалось жалование. Все это помогает понять и смысл его слов в письме жене от февраля 1912 г.: «Ты не можешь себе представить, какое облегчение я испытал, прочитав у тебя в письме, что “Речь” лишила меня жалования. Это меня мучило непрерывно. Наконец-то я свободный человек!»

Но это едва ли не единственное свидетельство о жаловании. Можно предположить, что позднее, в 1917 году, он также получал постоянное вознаграждение в «Ниве», редактируя приложение «Для детей», но ни в том, ни в другом случае он не находился на службе в журнале. Что касается советского времени, то, если не считать короткого периода с конца 1918 г. и до начала 20-х годов, когда единственным способом выжить для интеллигенции стало участие в горьковских проектах — издательстве «Всемирная литература» и примыкающей к нему Секции исторических картин, подготовке гржебинских книжных серий и т.п., — на всем остальном протяжении жизни он был, что называется, на «вольных хлебах», и читатель переписки имеет возможность оценить, какими нелегкими были эти «вольные хлеба» для человека, несущего на своих плечах груз ответственности за семью.

Особенно туго пришлось Чуковскому в конце 20-х — начале 30-х годов, в период, когда литературная деятельность за пределами советских учреждений была приравнена к индивидуальному предпринимательству и кустарному производству. Ситуация, в которой очутились тогда писатели, более известна нам по стихотворению В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии». Из писем Чуковского мы узнаем, что стояло за подобными «разговорами с фининспектором»: обивание порогов налоговых ведомств некоторое время часто упоминается в письмах к жене. «Не мог утерпеть, — писал он 16 февраля 1931 года, — пошел в Наркомфин. Там сразу мне не положили никакой резолюции, а велели оставить бумаги и позвонить через три дня». Такие эпизоды кочуют из письма в письмо, а параллельно упоминаются постоянные поиски хоть какого-то литературного заработка, задержки с изданием подготовленных книг, «проработочные» рецензии, становившиеся причиной этих задержек.

Сейчас даже трудно себе представить, что среди многообразных областей литературной деятельности, в которых проявил себя Чуковский, дольше всего он не мог смириться со званием детского писателя — настолько случайными казались ему его первые опыты. И хотя каждое детское стихотворение было плодом вдохновения, хотя даже на склоне лет он вспоминал о том чувстве, «которое когда-то заставило меня проплясать “Муху-Цокотуху”, прокричать экспромтом весь зачин “Тараканища”» (письмо к Т.М. Литвиновой от 3 июля 1955 г.), сразу несколько писем Чуковского говорят о том, как долго не соглашался он считать себя только детским писателем. В одном из писем он с горечью признавался: «Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано «Автор “Крокодила”». А как старательно, с каким трудом писал я другие свои книги, напр., “Некрасов, как художник”, “Же-

на поэта”, “Уолт Уитмен”, “Футуристы”, “Уайльд” и проч. Сколько забот о стиле, о композиции и обо многом другом, о чем обычно не заботятся критики! Каждая критическая статья для меня — произведение искусства (может быть, плохого, но искусства!), и когда я писал, напр., свою статью “Нат Пинкертон”, мне казалось, что я пишу поэму. Но кто помнит и знает такие статьи! Другое дело — “Крокодил”. Miserere» (Письмо М.А. Стакле от 24 января 1923 г.).

Но из писем Чуковского мы узнаем и о том, что начиная с 20-х годов именно детские стихи становятся его основными «кормильцами». Не без гордости писал он своей корреспондентке: «Моя книга “Крокодил” разошлась (если считать и журнальный тираж) в 600.000 экземпляров. Книжка “Мойдодыр” выдержала в 2 ¹/₂ года — *семь* изданий, и спрос на нее не уменьшается. Книжка “Тараканище” тоже выйдет летом *седьмым* изданием» (Р.Н. Ломоносовой 6 июня 1925 г.). Правда, удивляться долго советская власть ему не дала, потому что уже через несколько месяцев в письмах новая информация: «В Гублите мне сказали, что муха есть переодетая принцесса, а комар — переодетый принц!! Надеюсь, это было сказано в шутку, т. к. никаких оснований для подобного подозрения нет. Этак можно сказать, что “Крокодил” переодетый Чемберлен, а “Мойдодыр” — переодетый Милюков. Кроме того, мне сказали, что муха на картинке стоит слишком близко к комарику и улыбается слишком кокетливо!» (И.А. Острцову ок. 6 августа 1925 г.). Поначалу подобные абсурдные обвинения Чуковскому казались недоразумением, возмущение вызывал не столько факт запретов, сколько *кто и во имя чего* запрещал его детские книги. Но, говоря словами шекспировского Полония, в этом безумии была система, это было началом долгого воспитательного процесса, который учиняла новая власть над литературой. О том, чего стоило Чуковскому «пустить корни» в послереволюционной советской литературе, можно сказать словами лозунга партии эсеров: «В борьбе обрешь ты право свое».

Чуковский совсем не случайно завел в своем архиве папку, куда складывал многочисленные письменные свидетельства постоянной, превратившейся в подлинный крест, то утихавшей, то вновь усиливающейся и продолжавшейся не одно десятилетие «борьбы с “чуковщиной”». Материалы этой папки, частично опубликованные в т. 2 наст. изд., где представлено все, что касалось издания детских книг, читаются сегодня, как сводки с полей сражений. 14 апреля 1930 г. он писал М. Горькому: «...из детской литературы я уже изгнан совсем. Педагоги выдумали какого-то несуществующего злодея-Чуковского, приписали ему множество пороков и с удовольствием бьют его изо дня в день. Слово “чуковщи-